
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.76

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Н. С. МАЛЮТИН^{1), 2)}

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

²⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия

Анализируется комплексное изменение законодательства в сфере конституционного контроля, позволяющее вести речь о сформировавшемся ограничительном понимании конституционного права на судебную защиту применительно к его конституционно-процессуальной форме. В частности, исследуется право на доступ к конституционному правосудию в его историческом развитии с момента закрепления в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. до настоящего времени, а также оценке подвергаются институциональные изменения в системе отечественного конституционного контроля. Отдельное внимание уделяется новеллам Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», которые можно рассматривать в качестве инструментов ограничения соответствующего права на конституционно-судебную защиту. Подвергается критической оценке состоявшийся виток судебной реформы в этой части и предлагаются авторские варианты корректировки сложившейся ситуации. Как итог, констатируется сформировавшийся в настоящее время подход к ограничительной интерпретации права на конституционно-судебную защиту, в связи с чем обосновывается вывод о необходимости его системного научного осмысления и последующей корректировки.

Ключевые слова: право на судебную защиту; конституционно-судебная защита; Конституционный Суд Российской Федерации; конституционное правосудие; ограничение права; регулирование права.

Образец цитирования:

Малютин Н.С. Ограничение права на конституционно-судебную защиту в российской практике. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;3:22–31. EDN: JMGURW

For citation:

Malyutin NS. Restriction of the right to constitutional and judicial protection in Russian practice. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;3:22–31. Russian. EDN: JMGURW

Автор:

Никита Сергеевич Малютин – кандидат юридических наук; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета¹⁾, ведущий научный сотрудник центра судебного права²⁾.

Author:

Nikita S. Malyutin, PhD (law); associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law^a, and leading researcher of the centre for judicial law^b. n_malyutin@mail.ru

RESTRICTION OF THE RIGHT TO CONSTITUTIONAL AND JUDICIAL PROTECTION IN RUSSIAN PRACTICE

N. S. MALYUTIN^{a, b}

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

^bInstitute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia

The article analyses a complex change in legislation in the field of constitutional control, which allows us to talk about the formed restrictive understanding of the constitutional right to judicial protection in relation to its constitutional procedural form. In particular, the right to access to constitutional justice is studied in its historical development from the moment it was enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993 to the present, and the institutional changes that have taken place in the system of domestic constitutional control are also evaluated. Special attention is paid to the novelties of the Federal Constitutional Law of 9 November 2020 No. 5-ФКЗ « On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”», which fixed a number of provisions that can be considered as tools for restricting the relevant right to constitutional and judicial protection. The author critically assesses the judicial reform that has taken place in this part and offers his own options for correcting the current situation. As a result, the author states the current approach to the restrictive interpretation of the right to constitutional and judicial protection, in connection with which he proposes its systematic scientific understanding and the need for adjustment.

Keywords: right to judicial protection; constitutional and judicial protection; the Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional justice; restriction of law; regulation of law.

Постановка проблемы

Очередной виток непрекращающейся с принятием Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ) судебной реформы, нормативно оформившийся в 2020 г., актуализировал вопрос о доступе граждан и их объединений к такому значимому средству обеспечения и защиты своих конституционных прав, как конституционное судопроизводство. Данное обстоятельство обусловлено точечными корректировками конституционного текста, которые предлагают, по сути, обновленную формулировку базовых положений о Конституционном Суде Российской Федерации² (далее – КС РФ), а также последовавшей за ними масштабной реформой профильного закона³. Кроме того, отдельные вопросы в контексте обеспечения надлежащей судебной защиты права возникают в связи

с состоявшимся выходом Российской Федерации из Совета Европы и сопутствующим прекращением статуса Высокой Договаривающейся Стороны Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴ (далее – Европейская конвенция).

Представляется, что любые изменения системы законодательства о судебной власти подобного масштаба требуют одновременной оценки с точки зрения их влияния на качество и эффективность реализуемой судебной власти. Именно при указанных обстоятельствах осуществляемое в государстве правосудие может признаваться таковым на основе фундаментальных конституционных принципов (ст. 1, 2 и 17 Конституции РФ) и положений универсальных международных документов о правах человека⁵.

¹Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 20.10.2022).

²Речь идет прежде всего о существенной редакции ст. 125 Конституции РФ, предусматривающей как уточнение отдельных конституционных параметров КС РФ, так и корректировку оснований для реализации последним своих полномочий (см. подробнее: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416).

³См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Федер. конституц. закон от 9 нояб. 2020 г. № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 46. Ст. 7196.

⁴О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете ст. 58 Европейской конвенции о правах человека [Электронный ресурс] : Резолюция Европ. суда по правам человека : принята 21 марта 2022 г. – 22 марта 2022 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

⁵По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 22. Ст. 2194 ; По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», ОАО «Центрнефтехимремстрой», гражданина А. А. Лысогора и администрации Тульской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 нояб. 2005 г. № 11-П // Там же. № 48. Ст. 5123 ; По делу о проверке конституционности ст. 3, 4, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» п. 9 ст. 30, п. 10 ст. 75, п. 2 и 3 ст. 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 4 и 5 ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андронova, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в Воронежской области : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 22 апр. 2013 г. № 8-П // Там же. 2013. № 18. Ст. 2292.

Как справедливо отмечается в доктрине, закрепленное в Конституции РФ право на судебную защиту предполагает не только возможность защиты субъективных прав, нарушение которых возникает в некоем материально-правом споре между субъектами правоотношений, но и необходимость эффективного контроля в отношении публичной власти. Указанный контроль, среди прочего, подразумевает возможность оспаривания как деятельности публичной администрации, выражающейся в совершении каких-либо исполнительно-распорядительных действий, так и принятых в результате такой деятельности и в рамках соответствующей компетенции решений, к числу которых можно отнести нормативные акты. Именно на такой подход опирается КС РФ, в решениях которого неоднократно подчеркивалось, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, способный защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов⁶.

Логичным следствием данных рассуждений является утверждение права на судебную защиту в качестве одной из основополагающих гарантий кон-

ституционного статуса личности в Российской Федерации, что, в свою очередь, предполагает абсолютный характер названного права и невозможность его ограничения. Этот подход в значительной степени отражен в положении ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, а также констатирован КС РФ в ряде решений⁷. В то же время приведенное обстоятельство самым серьезным образом ставит вопрос о корректности заявленной в качестве заглавия названной статьи темы. Важно между тем подчеркнуть, что в доктрине в настоящий момент предлагаются различные подходы к пониманию конституционной категории права на судебную защиту. В частности, отдельные авторы рассматривают указанное право в единстве двух его составляющих – конституционно-гарантирующей и собственно юстициарной [1–3]. Однако следует отметить, что именно по этой причине основное внимание в рамках данной работы уделяется концептуальному размежеванию законодательного регулирования и ограничения прав применительно к праву на судебную защиту, а также анализу категории конституционно-процессуальной формы в структуре права на судебную защиту, позволяющей говорить о специфическом праве на конституционно-судебную защиту.

Общие положения об ограничении конституционных прав

В доктрине до настоящего момента не выработан однозначный подход к размежеванию сходных категорий правового регулирования и ограничения права, поскольку установление пределов права (в частности, права на судебную защиту), т. е. материальных границ его существования, не всегда представляется реализуемым. Кроме того, опираясь на базовые положения доктрины прав человека, можно констатировать, что субъективное право, как некая мера возможного поведения людей в конкретном правопорядке, не может функционировать в отсутствие государства – субъекта, обеспечивающего их эффективную реализацию. При этом, как справедливо отмечается в немецкой правовой доктрине (и в целом поддерживается российской доктриной), функции государства в процессе конституирования субъективных прав должны быть четко разделены между правовым регулированием, направленным на обеспечение существования субъективного права, и ограничением, предполагающим внедрение в содержание уже установленного права в конституционно значимых целях [4, с. 185].

В отношении правового регулирования прав и свобод В. И. Крусс отмечает, что данный процесс не-

обходимо рассматривать в качестве конституционно обусловленной конкретизации (уточнения) абстрактных нормативных категорий, используемых в законодательных актах [5, с. 293]. Под ограничением же права автор понимает невозможность реализации права, связанную с изъятием его отдельной составляющей (субъектной, временной, пространственной) [5, с. 338–339, 345–347]. Таким образом, при осуществлении правового регулирования уполномоченный актор (преимущественно законодатель) определяет внешние границы субъективного права – его пределы, в рамках которых это право может быть конкретизировано, а также ограничено с учетом конституционных параметров.

Применительно к праву на судебную защиту данный подход может быть продемонстрирован одной из базовых позиций КС РФ, в соответствии с которой право на судебную защиту следует рассматривать обеспеченным в ситуации, когда лицу гарантирован доступ к судебной власти, безотносительно к конкретному типу судебной подсистемы. Такой подход, в свою очередь, предполагает обязанность законодателя установить необходимый перечень форм и процедур судебной защиты, базовые параметры их

⁶См., например: По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁷По делу о проверке конституционности абзаца 2 ч. 7 ст. 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П // Там же. № 24. Ст. 2342 ; По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р. Н. Самигуллиной и А. А. Апанасенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 нояб. 1995 г. № 13-П // Там же. № 47. Ст. 4551.

разграничения, а также четкие требования, предъявляемые к субъектам их реализации. Кроме того, определение указанных законодателем параметров не может осуществляться произвольно, оно должно отвечать принципиальным конституционным требованиям, устанавливающим перечень основных форм судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), а также исходить из объективных особенностей материальных правоотношений, формирующих предмет рассмотрения в соответствующей форме судопроизводства⁸.

Помимо этого, в отличие от регулирования субъективного права, которое в конечном счете направлено на обеспечение реальной возможности его реализации всеми управомоченными субъектами, ограничение права предполагает действие государства внутри уже определенных пределов субъективного права. Оно ориентировано на изъятия отдельных правомочий (субъектного, временного или пространственного характера), не затрагивающие существа субъективного права (его ядра), а лишь

создающие отдельные преодолимые препятствия в его реализации [6].

Таким образом, установление законодателем определенных требований к конституционно-процессуальной форме реализации права на судебную защиту следует рассматривать как проявление его регуляторной обязанности, направленной на обеспечение права на судебную защиту. Кроме того, отграничение указанной формы судопроизводства от иных его форм (прежде всего от административного судопроизводства) представляется необходимым для реализации конституционно закрепленного принципа автономии судопроизводственных форм (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) на основе принципа правовой определенности⁹. Очевидно, что в подобной ситуации граждане и их объединения, сохраняя за собой право доступа к судебной системе защиты, фактически лишаются возможности выбора по своему усмотрению конкретной процедуры ее реализации, что не может рассматриваться в качестве ограничения права¹⁰.

Проблемы правовых изъятий в рамках конституционно-процессуальной формы права на судебную защиту

Формируя базовые нормативные параметры реализации конституционно-процессуальной формы права на судебную защиту (права на конституционно-судебную защиту), законодатель, как уже отмечалось, не обладает полной свободой в выборе средств и форм правовой регламентации указанных отношений. Именно по этой причине предлагаемые законодателем новеллы в сфере материального и процессуального судебного права требуют системной оценки как с точки зрения регулятивного воздействия на соответствующие правоотношения, так и с позиции их соответствия базовым конституционным условиям генеральной ограничительной клаузулы (ч. 3 ст. 55

Конституции РФ). Применительно к праву на конституционно-судебную защиту особое внимание в этом контексте привлекают два наиболее проблемных аспекта, получивших нормативную модификацию в ходе реформы законодательства о КС РФ в 2020 г., а именно проблема годичного срока для обращения в КС РФ с жалобой и требование исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты для обращения с жалобой.

Проблема годичного срока для обращения в КС РФ с жалобой. Несмотря на то что указанный годичный срок для обращения в КС РФ с жалобой был введен еще в рамках реформы профильного

⁸По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 мая 1999 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 23. Ст. 2890 ; По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 марта 2007 г. № 3-П // Там же. 2007. № 14. Ст. 1741 ; По делу о проверке конституционности положений ст. 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ЗАО «СЕБ Русский лизинг», ООО «Нефтестандарт» и ООО «Научно-производственное предприятие «Нефтестандарт» : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 янв. 2008 г. № 1-П // Там же. 2008. № 4. Ст. 300 ; По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2011 г. № 30-П // Там же. 2012. № 2. Ст. 398.

⁹См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина О. Г. Панькова на нарушение его конституционных прав ст. 116 ГПК РСФСР [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 дек. 1999 г. № 216-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

¹⁰См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина О. А. Зубачева на нарушение его конституционных прав положением п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК Российской Федерации и ст. 3 Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 нояб. 2005 г. № 508-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е. И. Максимова на нарушение ее конституционных прав п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 июня 2007 г. № 389-О-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. Е. Петрова на нарушение его конституционных прав положениями п. 1 ч. 1 ст. 134 и ч. 3 ст. 377 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 апр. 2008 г. № 314-О-О // Там же.

законодательства 2014 г.¹¹, данная проблема была актуализирована в 2020 г. в связи с включением в профильное законодательство некоторых дополнительных параметров применения этого срока. Прежде всего установление срока для обращения в КС РФ с жалобой должно быть оценено с точки зрения его влияния на возможности реализации права на судебную защиту, поскольку с момента принятия профильного закона и вступления его в силу и до состоявшейся реформы обращения в КС РФ не ограничивались какими-либо временными параметрами, что по-разному воспринималось в отечественной доктрине [7–10].

Представляется, что установление пресекающего срока для обращения в КС РФ едва ли может рассматриваться в качестве ограничения права на судебную защиту. Данный подход соответствует общему регулированию в процессуальных отраслях, предусматривающему подобные сроки и общий принцип разумности последних при реализации процессуальных правомочий, а также соотносится с практикой ряда зарубежных государств (Андорры, Армении, Венгрии, Германии, Испании, Кореи, Лихтенштейна, Словении, Чехии и др.).

Оценивая названные нормативные положения с позиции законодательного вмешательства в право на судебную защиту, необходимо все же констатировать наличие правового регулирования реализации указанного права в его конституционно-процессуальной форме. В частности, установление срока для обращения в КС РФ позволяет законодателю четко разграничить сферы реализации права на судебную защиту, поскольку в данном случае исключаются перманентные риски пересмотра судебных решений, принятых в рамках иной формы судопроизводства, которые фактически ставят под вопрос действие принципа *res judicata*. Кроме того, в отсутствие законодательно установленного пресекающего срока на обращение в КС РФ нельзя говорить о полноценной реализации принципа правовой определенности, предполагающей наличие стабильных и предсказуемых последствий вынесения ординарных судебных решений для всех участников правоотношений, круг которых может быть достаточно значительным.

Между тем системный анализ названного вида регулирования позволяет сделать вывод о наличии отдельных проблемных элементов в избранной законодателем форме установления пресекающего срока для обращения в КС РФ, которые, однако, не были устранены после проведенной в 2020 г. реформы. В частности, вызывает вопросы распро-

странение указанного ограничения исключительно на обращения в КС РФ с жалобами в порядке конкретного нормоконтроля, что фактически ориентировано только на частных субъектов обращений (граждан, юридических лиц и др.). При реализации иных конституционных полномочий субъекты обращения в КС РФ не связаны какими-либо сроками, и эта ситуация может рассматриваться как изъятия отдельных правомочий по субъектному принципу. Очевидно, что при осуществлении отдельных полномочий КС РФ законодательное установление сроков не предполагается, поскольку период для обращения в КС РФ определяется с учетом специфики правоотношений¹². Однако в других случаях названные ранее аргументы, связанные с обеспечением стабильности и окончательности судебных решений, а также принципа правовой определенности, сохраняют свою актуальность. В частности, подобная ситуация может возникать при разрешении КС РФ споров о компетенции, в том числе сопряженных с принадлежностью полномочия по изданию нормативного правового акта.

Не менее проблемным в этой ситуации представляется полномочие по толкованию Конституции РФ, а также новые полномочия, связанные с оценкой исполнимости решений международных органов и судов. В данном контексте важно и то, что нормоконтрольная процедура, реализуемая ординарными судами в порядке административного судопроизводства, может быть инициирована заявителем в течение всего срока действия оспариваемого нормативного правового акта (ч. 6 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Учитывая специфику нормоконтрольного производства и его последствия для правовой системы, можно констатировать отсутствие единого подхода законодателя к регулированию смежных отношений.

Нерешенным вопросом в рамках установленного годового срока является также отсутствие законодательно закрепленной возможности его восстановления и (или) продления в связи с наличием у заявителя уважительных причин. Стоит отметить, что действующее процессуальное законодательство в целом предусматривает восстановление пропущенных процессуальных сроков для обращения за судебной защитой. При этом в отношении системы гражданского процессуального законодательства КС РФ неоднократно отмечал, что возможность восстановления пропущенного процессуального срока при наличии причин его пропуска, признанных су-

¹¹О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конституц. закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

¹²В данном случае речь идет о конкретном нормоконтроле, инициируемом по запросам судов; проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации; даче заключений о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации или Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение полномочий, и др.

дом уважительными, является одной из ключевых гарантий прав заинтересованных лиц¹³. Данный подход должен быть применим к ситуации конституционного судопроизводства, поскольку в противном случае заявитель фактически лишался бы (в том числе и не по своей воле) предоставленной законом возможности использовать конституционную форму реализации права на судебную защиту, что в отсутствие адекватной замены в рамках иных видов судопроизводства свидетельствует об умалении права на судебную защиту.

Действующее законодательство о КС РФ не устанавливает какого-либо специального регулирования, исключающего возможность заявителей обращаться с ходатайствами о продлении или восстановлении пропущенного срока для обращения в КС РФ. Представляется, что в подобной ситуации КС РФ вправе действовать по собственному усмотрению, поскольку нормативное регулирование, предписывающее отказывать в удовлетворении подобных ходатайств, в настоящее время также отсутствует. Справедливость подобной мысли отчасти подтверждается самим КС РФ, который с момента введения указанного положения в действие неоднократно отказывал в принятии обращений к рассмотрению на основании пропуска годичного срока. Однако в большинстве определений по подобным вопросам КС РФ также констатировал, что при вынесении последнего судебного решения заявитель не был лишен возможности обратиться в КС РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав в установленный законом срок¹⁴.

Приведенная формулировка позволяет сделать вывод о том, что при анализе представленных заявителем документов и материалов не были установлены уважительные причины пропуска срока для обращения в КС РФ, и не исключает возможности иного вывода при наличии соответствующих фактических обстоятельств. Между тем отсутствие

прямого законодательного закрепления института восстановления и (или) продления процессуального срока для обращения в КС РФ с жалобой едва ли способствует обеспечению принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, а при определенной интерпретации может и вовсе привести к существенному ограничению права на судебную защиту.

Требование исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты для обращения с жалобой. Не менее значимой новеллой законодательства о КС РФ стало установление такого самостоятельного требования к допустимости жалобы в КС РФ, как исчерпание всех внутригосударственных средств судебной защиты права. Важно подчеркнуть, что в отличие от годичного срока, который к моменту конституционной реформы 2020 г. уже активно применялся в практике КС РФ и, как подчеркивалось выше, не вызывал серьезных концептуальных возражений у представителей отечественной правовой науки, институт исчерпаемости был одновременно включен в соответствующие статьи профильного федерального конституционного закона и получил непосредственное закрепление в конституционной норме, что, вероятно, свидетельствует об особой важности данного положения для выявления содержательных пределов права на конституционно-судебную защиту.

Не вдаваясь в подробный анализ указанного условия допустимости (поскольку достаточно обстоятельно его проблемный характер представлен в современных исследованиях [11]), отметим, что с учетом его конституционного закрепления КС РФ в абзаце 2 п. 5.3 заключения от 16 марта 2020 г. № 1-3 особым образом подчеркнул не ограничительную, а регулируемую роль исчерпанности средств судебной защиты¹⁵. Данная позиция КС РФ в полной мере согласуется с высказанными ранее подходами к размежеванию категорий правового регулирования

¹³См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Т. Н. Казьминой на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 112 и ч. 2 ст. 376 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 313-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки М. Н. Девятикиной на нарушение ее конституционных прав нормами Федерального закона «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 308-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. В. Белоусова на нарушение его конституционных прав ст. 112 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2022 г. № 2294-О // Там же.

¹⁴См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Л. Н. Брезгиной на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2018 г. № 1780-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Л. Х. Нурмухаметовой о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2019 года № 2578-О [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2020 г. № 992-О-Р // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. С. Лобойко на нарушение его конституционных прав Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2022 г. № 455-О // Там же.

¹⁵О соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

и ограничению субъективных прав, поскольку в указанной ситуации применение нового конституционного условия допустимости фактически не препятствует доступу заявителя к правосудию как таковому, а лишь временно ограничивает возможности использования определенной его формы (конституционно-процессуальной). Вместе с тем в контексте неоднократно выраженной позиции о невозможности самостоятельного выбора конкретной формы судебной защиты и предназначения конституционного судопроизводства как экстраординарной меры судебной защиты¹⁶ подобное нормативное разграничение конституционно-процессуальной формы судебной защиты и иных ее форм направлено на обеспечение принципа правовой определенности в процессе реализации права на судебную защиту, а также единства и целостности судебной системы.

Как и в случае с годичным сроком для обращения в КС РФ, установление исчерпанности средств судебной защиты в качестве нового условия допустимости имеет ряд проблемных аспектов, которые при определенной интерпретации могут содержать весьма серьезный ограничительный потенциал. В частности, применение данного условия предполагается исключительно для оценки допустимости жалобы, в то время как запросы судов, направляемые также в порядке конкретного нормоконтроля, не обусловле-

ны необходимостью соблюдения инстанционного пиетета.

Это различие в рамках реализации судебного полномочия (конкретного нормоконтроля) едва ли может свидетельствовать о необходимости достижения общей цели – обеспечения единства и непротиворечивости судебной практики, правовой определенности и др. Очевидно, что введение подобного условия допустимости исключительно для частных субъектов (что фактически представляет собой изъятие правомочия по субъектному признаку) требует дополнительных аргументов со стороны законодателя, наиболее вероятным из которых выступает системное снижение нагрузки на КС РФ через усиление ординарного судебного фильтра обращений. Между тем данный аргумент сам по себе подтверждает тезис об ограничении права на конституционно-судебную защиту и не может рассматриваться в качестве допустимого, поскольку, как отмечал КС РФ, цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод. В любом случае должны соблюдаться вытекающие из принципов правового государства, равенства и справедливости требования определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, ее согласованности с системой действующего регулирования¹⁷.

Институциональные вопросы ограничения права на конституционно-судебную защиту

Как отмечалось ранее, право на судебную защиту реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных

прав граждан¹⁸. К числу таких специальных средств можно отнести институт регионального конституционного контроля, который претерпел модификации в результате конституционной реформы 2020 г.

¹⁶См., например: О прекращении производства по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ст. 6 Устава города Москвы в связи с запросом Правительства Москвы и жалобами граждан В. П. Жарко, А. В. Павленко и В. А. Шмелева [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 нояб. 2002 г. № 281-О // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; О прекращении производства по делу о проверке конституционности положений законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2006 г. № 137-О // Там же ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. Н. Вопилова на нарушение его конституционных прав положением ч. 2 ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 дек. 2008 г. № 1093-О-О // Там же ; По жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Ю. А. Приведенной положениями ст. 10 Федерального закона «О введении в действие уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 янв. 2010 г. № 119-О-О // Там же.

¹⁷См., например: По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 26. Ст. 3185 ; По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 15.25 и п. 2 ч. 1 ст. 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 6 ч. 1 ст. 1, ч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле”» в связи с жалобой гражданина Н. В. Кузнецова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2021 г. № 34-П // Там же. 2021. № 29. Ст. 5752 ; По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Е. Н. Заболотной : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 ноября 2021 г. № 47-П // Там же. № 47. Ст. 7945.

¹⁸По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Баронина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 дек. 1998 г. № 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51. Ст. 6341 ; По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 325 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. Л. Дрибинского и А. А. Майстрова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 апр. 1999 г. № 6-П // Там же. 1999. № 16. Ст. 2080.

Не оценивая подробно причины соответствующего решения законодателя¹⁹, необходимо сказать, что упразднение определенной категории судебных органов, рассматривающих в порядке конституционного судопроизводства дела, которые возникают на уровне субъектов Российской Федерации, могло бы представлять ограничение права на судебную защиту, включающее в себя, помимо прочего, право на доступ к суду. Однако, как справедливо зафиксировано в отечественной доктрине, субъекты Российской Федерации могут в порядке собственного правового регулирования закрепить право граждан обращаться в конституционный (уставной) суд с запросом о проверке нормативных правовых актов, принятых на собственной территории, на предмет их соответствия своей конституции (уставу)²⁰.

Сказанное означает возможность установления субъектами Российской Федерации собственной дополнительной правовой гарантии, отличной от предусмотренного Конституцией РФ права на судебную защиту. Так, ликвидация институционального элемента данной региональной гарантии не может рассматриваться в качестве какого-либо ограничительного вторжения в содержание права на судебную защиту. Кроме того, нормоконтрольные полномочия, обеспечивающие право на судебную защиту и осуществляемые ранее в отдельных регионах Российской Федерации конституционными (уставными) судами, по общему правилу могут реализовываться судами общей и арбитражной юрисдикции, за исключением случаев, когда указанный нормоконтроль

входит в исключительную компетенцию КС РФ²¹. Таким образом, наличие или отсутствие конституционного (уставного) суда в том или ином субъекте Российской Федерации формально не препятствовало реализации гражданами права на судебную защиту, поскольку, исходя из сложившейся практики, существовавшая в отдельных регионах конституционно-процессуальная форма такой защиты изначально рассматривалась как факультативная.

Нельзя не отметить, что даже в отсутствие ограничения права на судебную защиту в ликвидации региональных конституционных судов их указанное факультативное гарантирующее предназначение было сохранено законодателем в обновленной форме. Предложенные регионам к созданию конституционные (уставные) советы при законодательных органах смогут гарантировать реализацию полномочий, которые до настоящего времени не относились к сфере обеспечения права на судебную защиту. В то же время эффективность подобного компенсационного института зависит исключительно от заинтересованности и политической воли конкретного субъекта федерации [13], поскольку несудебная форма деятельности конституционных (уставных) советов позволяет региональному законодателю, который не связан формальными требованиями законодательства в сфере правосудия, максимально гибко подходить как к определению их компетенции, так и к установлению конкретных характеристик итоговых решений, а также правовых последствий за их неисполнение.

Конституционно-судебная защита и наднациональные механизмы

Право на судебную защиту, как ключевая гарантия всей национальной системы прав и свобод человека, признаваемых и обеспечиваемых в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в значительной степени должно опираться на сложившиеся в настоящее время международные стандарты в сфере правосудия. Безусловно, с учетом высокой степени турбулентности международных отношений и политизированности отдельных принимаемых на международном уровне решений для определения таких стандартов за основу могут быть взяты универсальные международно-правовые документы, эффективность которых подтверждена многолетней практикой применения и которые нашли конкретное нормативное воплощение в национальных правовых порядках.

Между тем обозначенный подход не должен исключать возможности для Российской Федерации

на добровольных началах участвовать в различных межгосударственных интеграционных структурах (как региональных, так и общемировых), вырабатывающих собственные стандарты в сфере правосудия, а также учреждающих специальные органы контроля соблюдения последних. При этом как участие государств в подобного рода объединениях не может презюмировать автоматическое повышение эффективности национальной системы правосудия, а значит, и расширение нормативных пределов права на судебную защиту, так и его выход из каких-либо межгосударственных соглашений не должен приводить к безусловному отказу от применения содержащихся в них правовых стандартов.

С учетом изложенного выход Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека не следует рассматривать как некое априорное сужение содержательных пределов права на

¹⁹Подробнее о возможных причинах упразднения региональных конституционных (уставных) судов в Российской Федерации см. публикацию [12].

²⁰Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотр. / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, 2011. 1007 с.

²¹О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2018 г. № 50 // Российская газета: портал. URL: <https://rg.ru/documents/2019/01/15/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 20.10.2022).

судебную защиту, предусмотренного Конституцией РФ. Прежде всего нельзя отрицать тот вклад, который Европейская конвенция в ее творческой научно-интерпретационной переработке отечественной доктриной, национальной правоприменительной практикой, а также практикой самого ЕСПЧ внесла в развитие национальной правовой системы, в том числе в сфере правосудия. Очевидно, что данные результаты в настоящее время предметно отделены от Европейской конвенции, поэтому они не связываются с ее фактическим статусом в рамках отечественного правопорядка и не утрачивают своего значения. Кроме того, анализ и применение эффективных практик, сформулированных ЕСПЧ и другими региональными акторами подобного рода, не должны исключаться в ситуации отсутствия формального членства в той или иной региональной организации, поскольку вне зависимости от указанных обстоятельств Российская Федерация продолжает считать себя частью мирового сообщества (преамбула Конституции РФ).

Что же касается формальной невозможности в настоящее время обращаться к инструментам ЕСПЧ

для защиты своих прав на территории Российской Федерации, то вести речь о каком-либо вторжении в содержание права на судебную защиту в данной ситуации не приходится по следующим основаниям. Конституцией РФ закреплено право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Однако, как следует из приведенной конституционной формулировки, данная факультативная гарантия прав и свобод человека распространяется не только на судебные, но и на любые международные органы по защите прав человека [14], что фактически исключает судебную природу указанного права. Кроме того, судебная природа органов международного правосудия вызывает ряд вопросов и в настоящее время не находит однозначной поддержки как в национальной правовой доктрине [15, с. 208–209; 16, с. 38–39], так и в международном праве [17].

Заключение

Системный анализ законодательства, регламентирующего конституционно-процессуальную форму судебной защиты, свидетельствует о том, что, несмотря на уровень и масштаб проведенной реформы правового регулирования указанной сферы, ряд вопросов, непосредственно связанных с обеспечением гарантирующего эффекта права на судебную защиту, оказались нерешенными. В то же время произведенные законодателем модификации, а также введенные институты хотя и не могут рассматриваться

в правоограничительном контексте, однако создают весьма серьезные риски для стабильности и предсказуемости права на судебную защиту в целом и качества его реализации и обеспечения в частности. Это может привести к ситуации ограничения права на судебную защиту не только в его конституционно-процессуальной форме, что, в свою очередь ставит, вопрос о реальности и эффективности всей системы прав и свобод личности, гарантируемой правом на судебную защиту.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС, Джагарян АА. *Правосудие: ориентация на Конституцию*. Москва: Норма; 2018. 224 с. Совместно с издательством «Инфра-М».
2. Морщакова ТГ. Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015;5:58–72.
3. Соколов ТВ. Концепция юстициарных прав человека и повышение эффективности судебной власти. В: Данилевич АА, редактор. *Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 173–177.
4. Шгерн К. Защита основных прав и их ограничения. В: Топорнин БН, редактор. *Государственное право Германии*. Том 2. Москва: Издательство Института государства и права РАН; 1994. с. 185–187.
5. Крусс ВИ. *Теория конституционного правоупотребления*. Москва: Норма; 2007. 752 с.
6. Малютин НС. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;3:20–27.
7. Должиков АВ. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018;1:80–112. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-80-112.
8. Князев СД. Конституционная жалоба в Российской Федерации: законодательная модель и судебная интерпретация. *Журнал конституционного правосудия*. 2011;1:25–33.
9. Кряжкова ОН. Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;10:41–51.
10. Тарабан НА. Становление феномена «конституционная кассация» в отечественном конституционном судебном процессе. *Российский судья*. 2020;10:51–55. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-10-51-55.
11. Игумнов НА. Исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты как новое условие допустимости конституционной жалобы. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;3:69–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-3-69-76.

12. Малютин НС. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: нужен ли этот институт? *Конституционное и муниципальное право*. 2019;4:62–69.
13. Малютин НС, Сергеев СЛ. Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2022;4:26–38.
14. Азаров А, Ройтер В, Хюфнер К. *Защита прав человека. Международные и российские механизмы*. Синельников Р, Шевнина Л, переводчики. Москва: Московская школа прав человека; 2000. 560 с.
15. Дюги Л. *Конституционное право. Общая теория государства*. Барков АН, составитель. Москва: Инфра-М; 2013. 427 с.
16. Матьё Б. Миссия суда в современном конституционно-правовом пространстве. В: Головки ЛВ, Матьё Б, редакторы. *Суд и государство*. Москва: Статут; 2018. с. 34–49.
17. Толстых ВЛ, редактор. *Институты международного правосудия*. Москва: Международные отношения; 2014. 504 с.

References

1. Bondar' NS, Dzhagaryan AA. *Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu* [Justice: orientation to the Constitution]. Moscow: Norma; 2018. 224 p. Co-published by the «Infra-M». Russian.
2. Morshhakova TG. Constitutional foundations of the qualified legal assistance system's organization and reformation in the Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*. 2015;5:58–72. Russian.
3. Sokolov TV. [The concept of judicial human rights and increasing the effectiveness of the judiciary]. In: Danilevich AA, editor. *Ugolovnaya yustitsiya v svete integratsii pravovykh sistem i internatsionalizatsii kriminal'nykh ugroz* [Criminal justice in the light of the integration of legal systems and the internationalisation of criminal threats]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2017. p. 173–177. Russian.
4. Shtern K. [Protection of fundamental rights and their limitations]. In: Topornin BN, editor. *Gosudarstvennoye pravo Germanii. Tom 2* [State law of Germany. Volume 2]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN; 1994. p. 185–187. Russian.
5. Kruss VI. *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [Theory of constitutional law]. Moscow: Norma; 2007. 752 p. Russian.
6. Malyutin NS. Role of judicial interpretation in delimitation of theoretical-law constructions of legal regulation, limitations and denial of rights and freedoms of man and citizen. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;3:20–27. Russian.
7. Dolzhikov AV. Is the glass half-empty or half-full? Interference as a form of constitutional rights' limitation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2018;1:80–112. Russian. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-80-112.
8. Knyazev SD. [Constitutional complaint in the Russian Federation: legislative model and judicial interpretation]. *Journal of Constitutional Justice*. 2011;1:25–33. Russian.
9. Kryazhkova ON. Changes in the Russian Constitutional Justice that were expected, are expected, unexpected. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;10:41–51. Russian.
10. Taraban NA. The establishment of the phenomenon of constitutional cassation in the national constitutional judicial procedure. *Rossiiskii sud'ya*. 2020;10:51–55. Russian. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-10-51-55.
11. Igumnov NA. Exhaustion of domestic remedies as a new condition for the admissibility of a constitutional complaint. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;3:69–76. Russian. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-3-69-76.
12. Malyutin NS. Regional constitutional justice in the Russian Federation: is such institution necessary? *Constitutional and Municipal Law*. 2019;4:62–69. Russian.
13. Malyutin NS, Sergevnnin SL. Institute of regional constitutional (statutory) justice in Russia: end of story? *Moscow University Bulletin. Series 11, Law*. 2022;4:26–38. Russian.
14. Azarov A, Reuter V, Huefner K. *Zashchita prav cheloveka. Mezhdunarodnye i rossiiskie mekhanizmy* [Protection of human rights. International and Russian mechanisms]. Sinel'nikov R, Shevnina L, translators. Moscow: Moskovskaya shkola prav cheloveka; 2000. 560 p. Russian.
15. Duguit L. *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. General theory of the state]. Barkov AN, compiler. Moscow: Infra-M; 2018. 427 p. Russian.
16. Mathieu B. [Mission of the court in the modern constitutional and legal space]. In: Golovko LV, Mathieu B, editors. *Sud i gosudarstvo* [Court and state]. Moscow: Statut; 2018. p. 34–49. Russian.
17. Tolstykh VL, editor. *Instituty mezhdunarodnogo pravosudiya* [Institutions of international justice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2014. 504 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023.
Received by editorial board 19.10.2023.